

Этнография. Фольклористика. Диалектология

О. Г. БОРИСОВА, Л. А. ИСАЕВА

**СОЦИАЛЬНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ КОНТРАРНЫЕ ПАРАДИГМЫ
КАК СРЕДСТВО ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ОСОБЕННОСТЕЙ КАРТИНЫ
МИРА НОСИТЕЛЕЙ КУБАНСКИХ ГОВОРОВ**

В статье рассматриваются некоторые особенности картины мира носителей кубанских говоров, отраженные в образовании антонимических пар на основе эмоционально-эстетического, а также этнокультурного противопоставлений.

Ключевые слова: диалектная языковая картина мира, кубанские говоры, диалектные антонимы, социально-территориальные контрарные парадигмы.

Картина мира имеет как общенациональные, так и территориально специфические формы, изучение последних позволяет проникнуть в особенности структурирования отдельных ее фрагментов [1]. Одной из форм территориальной реализации общенациональной языковой картины мира является диалектная языковая картина мира (ДЯКМ). Особенность ДЯКМ заключается, как известно, в наличии общих черт мировидения, присущих традиционно-народному восприятию действительности, таких, как эмоционально-образное мышление диалектоносителя, экспрессивность, большая детализация в названиях важных для сельского жителя реалий. Вместе с тем русские диалекты, обнаруживая определенное сходство, проходят свой собственный путь освоения и отражения окружающего мира [2].

Ощущение человеком противоположности не лишено субъективности и находится в прямой зависимости от экстралингвистических факторов, таких, как возраст, образование, профессия, социальное положение и др. Как показывают наблюдения, определенное влияние на восприятие языковой личностью противоположности оказывает принадлежность к диалектному языковому сообществу. Представляется, что динамичность, спонтанность и вариативность устной речевой стихии – сферы функционирования диалекта – создают благоприятные условия для реализации творческой деятельности диалектоносителя, одним из результатов которой может быть образование антонимических пар не только на основе логического, но и на основе эмоционально-эстетического, а также этнокультурного противопоставлений. Данное обстоятельство делает правомерным применение широкого подхода при квалификации диалектных антонимов и позволяет высказать гипотезу: контрарные парадигмы достаточно продуктивны для выявления особенностей языковой картины мира жителей Кубани. Контрарные парадигмы также имеют как общенациональный, так и социально-локальный характер (последний выявляется в результате исследований материальной, духовной и речевой культуры носителей диалекта).

Полагаем, что к социально-территориальным контрарным парадигмам в кубанских говорах можно отнести следующие выявленные в речи носителей диалектов Кубани оппозиции слов.

Ка(о)за'к – городовы'(и)к, ка(о)за'к – нoгopoд'ний 'иногородний, не потомственный казак': У казаки'в була' зэмля', а у городовики'в нэ було' (ст-ца Некрасовская). Тагда' бы'ли казаки' и нагaрoд'нийи. Нагaрoд'ний – е'нта мужы'к, ни каза'к (ст-ца Северская). Казака', ёго отличи'иш фсигда' от нагoрoд'нёго (ст-ца Старомышастовская). Ка(о)за'чка – городовы'(и)чка, ка(о)за'чка – нoгopoд'няя 'иногородняя, не потомственная казачка': Ра'ньшэ нэ жэны'х сва'тав, а ба'тька з ма'тэрю, шоб нэ городовы'чка була', а коза'чка (ст-ца Новотитаровская). Интегральной семой у приведенных лексем является сема: 'сословие', дифференциальными и взаимоисключающими: 'казак' / 'не казак', 'казачка' / 'не казачка'. Наличие данного противопоставления, не представленного ни в общенациональной, ни в большинстве других диалектных картин мира, позволяет сделать вывод о высокой степени значимости указанных социальных (сословных) характеристик в сознании носителя диалекта.

Хата – дом. Слово хата на Кубани означает 'жилище в одну или две комнаты из самана под камышовой или соломенной крышей': З чёго ха'ты роботы'лы? З сама'ну. Камышо'м кры'лы, гли'ною ма'залы, унутри' крэ'йдой билы'лы (ст-ца Марьянская). Замечено, что станичники и современные кирпичные дома могут называть хатами. Однако данная лексема в кубанских говорах чаще употребляется с отрицательной коннотацией, актуализируя в сознании его носителей такие семы, как «плохой», «ветхий», «бедный», «убогий», «тесный». Лексема *дом* в кубанских говорах исторически обозначает принципиально отличный от *хаты* тип жилища [3]. По нашим наблюдениям, для жителей кубанских станиц понятие *дом* ассоциируется с кирпичным строением, крытым железом или шифером, состоящим из нескольких комнат. Слово *дом*, являясь в литературном языке нейтральным, в местном диалекте в целом

несет положительную коннотацию, актуализируя в сознании жителей Кубани семы 'богатый', 'добротный', 'большой', 'просторный' [4]. Сравним, например, контексты: *Жы'ли мы у ха'тах, дамо'фни было'* (ст-ца Елизаветинская). *Ха'ту, где ба'ба з де'дам жы'ли, слама'ли и пастро'или на то'м ме'сти дом* (г. Усть-Лабинск). Таким образом, оппозиция хата / дом в кубанских говорах основывается на наличии в значении лексем интегральной семы 'жилище человека' и ряда дифференциальных контрастирующих семантических компонентов: 'бедный' / 'богатый', 'маленький' / 'большой', 'тесный' / 'просторный', 'ветхий' / 'добротный', 'убогий' / 'красивый'. Видимо, «местный» вариант номинации признается менее социально престижным по сравнению с общелитературным.

Мука – бо'рошно'. Второе слово является архаичным. При этом диалектизм часто вызывает в сознании носителей диалекта воспоминания о муке высшего сорта, из которой в былые времена, до появления колхозов, пекли белый хлеб. Слово *мука*, находящееся в активном словарном запасе, напротив, ассоциируясь с советским периодом и современностью, может номинировать муку низкого качества, отсюда известное на Кубани выражение: *Як було' бо'рошно, так хлиб йи'лы, як ста'ла мука' – ста'лы му'чиция* (ст-ца Нововеличковская). Представляется, что отрицательные коннотации у общенародного слова поддерживаются его временной соотнесённостью (настоящее в отличие от прошлого, как правило, оценивается негативно) и прозрачной внутренней формой: диалектоносители связывают слова *мука* со словами *му'ка*, *мучить*, *мучиться* и т. д. В значениях существительных *мука* и *бо'рошно'* можно выявить общую интегральную сему «размолотые в порошок хлебные зерна» и взаимоисключающие дифференциальные семы: «высшего сорта» – «низшего сорта». Положительные коннотации архаичного варианта могут демонстрировать, по нашему мнению, особенности концептуализации понятия «время» в кубанских диалектах: имеет место идеализация досоветского прошлого, особенно на бытовом уровне.

Бала'кать – 'разговаривать на местном диалекте с украинской языковой основой' / *разгова'ривать, разгова'рювать* 'разговаривать на литературном языке': *У Мидвёдафки ищё бала'кають, а ф Тимашофки разгава'ривают* (ст-ца Медведовская). В семантической структуре этих глаголов оппозицию составляют семы: «литературный язык» – «диалект», номинирующие полярные разновидности русского национального языка.

Говоры'ть – 'разговаривать на местном диалекте' / *разгова'ривать, разгова'рювать* – 'разговаривать на литературном языке': *Дивча'та, мы жы гава'рым, а вы разгова'рююте* (ст-ца Успенская). Представляется, что наличие данного противопоставления свидетельствует о высокой ценности речевой саморефлексии в картине мира носителей говоров, противоположенность по этому признаку есть одно

из проявлений общекультурной оппозиции «свой / чужой», причем для номинации процесса общения на диалекте используется как диалектный глагол «балакать», так и литературный «говорить», тогда как для литературной речи – только общеупотребительная лексема «разговаривать».

Социально-территориальную контрарную парадигму могут составлять и устойчивые выражения. Так, в хуторе Колесников записаны две ФЕ *голый стил / стол* – 'стол на полевом стане, за которым некалорийно кормили колхозников, не выполнивших норму' и *красный стил / стол* – 'стол на полевом стане, накрытый красной скатертью, за которым более калорийно кормили колхозников, выполняющих норму'. Приведем рассказ информанта: *Ище' тоди' ба'бушка расска'зывала. Йих собыра'лы и сады'лы за крас'ный стил. Дают но'рму здэ'лать, а люды голо'дни. Вот я, е'сли вы'работала но'рму, мэ'нэ са'дять за крас'ный стол, красной ска'тиртью накры'тэ. И там лу'ччу йиду' дают: хле'бушка и густи'шу ка'шу. А хто нэ вы'полнэ но'рму – зна'чить того' са'дять за го'лый стил и дают совси'м жэ иш ре'динько*. Общими семами у ФЕ являются семы 'стол', 'полевой стан', 'колхозники', 'кормить', контрастирующими семантическими компонентами выступают 'накрытый красной скатертью' / 'не накрытый красной скатертью', 'выполнившие норму' / 'не выполнившие норму', 'калорийно' / 'некалорийно'. Трудовые заслуги, таким образом, имеют в территориально специфическом фрагменте картины мира кубанцев высокую ценность, что и предполагает наличие особого противопоставления, при этом заслуживает внимания и временная его отнесенность к прошлому («бабушка рассказывала»).

Фиксация активного функционирования территориально специфических антонимических пар позволяет сделать вывод о высокой степени концептуализации таких понятий, как «сословные / социальные различия», «богатство / бедность», «прошлое / настоящее», «свой / чужой». Оппозитивность диалектных и литературных номинаций противопоставляемых понятий свидетельствует о высоком статусе речевой саморефлексии носителей диалекта, что подтверждается и наличием, по крайней мере, двух оппозиций номинации литературной и диалектной форм речи. Таким образом, выявление социально-территориальных контрарных парадигм в кубанском диалекте, безусловно, способствует более глубокому описанию особенностей ДЯКМ. В дальнейшем планируем продолжить целенаправленные исследования, направленные на установление всего объема единиц, образующих пары антонимов в лексической макросистеме кубанских говоров.

Литература

1. Исаева Л. А., Буданова С. Г. Лингвоконцептология текста: базовые понятия и методические основы // Культурная жизнь Юга России. 2012. № 1. С. 64.

2. Демидова К. И., Злыденная Т. А. Ценностный аспект русской диалектной языковой картины мира // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования). СПб., 2006. С. 72.

3. Гангур Н. А. Усадьбы линейных казаков (1830–1860 гг.) // Дикаревские чтения: Итоги фольклорно-этнографических исследований

этнических культур Северного Кавказа за 2006 г. Краснодар, 2007. С. 371.

4. Борисова О. Г., Костина Л. Ю. Жилище человека как базовая ценность в языковом сознании казачества (на материале кубанских говоров) // Концептуализация как процесс и его результаты: коллективная монография. Краснодар, 2008. С. 153.

O. G. BORISOVA, L. A. ISAEVA. SOCIO-SPATIAL PARADIGM CONTRARIE AS A MEANS OF PRESENTING FEATURES PAINTINGS OF THE WORLD KUBAN DIALECTS'S MEDIAS

This article discusses some features of the picture of the world media Kuban dialects reflected in the education antonymy pairs based on emotional and aesthetic, as well as ethnic and cultural oppositions.

Key words: *dialect language picture of the world, the Cuban dialects, dialect antonyms, socio-territorial contrarie paradigm.*

П. В. ЯРЕШКО

К ВОПРОСУ О ТЕМАТИЧЕСКИХ И СТИЛЕВЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ИСТОРИЧЕСКИХ ПЕСЕН КАЗАКОВ КУБАНИ

В центре статьи – тематические и стилевые особенности исторических песен казаков Кубани.

Ключевые слова: *историческая песня, казаки Кубани, строевая песня, распевный стилистический тип.*

Исторические песни – это особый жанр народных лирико-эпических песен, посвященных конкретным историческим событиям и лицам XIV–XIX веков. Жанр этот, занимающий пограничное положение между эпической традицией и лирической песней, выделился в самостоятельную форму в середине XVI века [1].

В традиционной духовной культуре кубанского казачества историческим песням принадлежит исключительная роль. Являясь своеобразной народной памятью, отражающей героическую и в то же время полную глубокого драматизма историю казаков, исторические песни представляют собой яркие по художественному воплощению произведения народного искусства. Знаменательно, что термин «исторические песни» употребляется и самими носителями фольклора. В их понимании речь идет о песнях, которые посвящены общественно-значимым явлениям, относящимся к «делам давно минувших дней» [2].

Вне всяких сомнений, историческая песня появляется там, где существует этническое самосознание, т. е. осознание народом исторического процесса и своей роли в нем, своего места в национально-ориентированном государстве.

Как правило, исторические песни допускают свободное истолкование событий, им присущ элемент фантазии, однако каждая из них всегда связана с каким-либо конкретным событием, а фигурирующие в такой песне персонажи имеют реальные прототипы.

Многие значительные события казачьей истории и истории России, особенно военные кампании, в которых участвовало казачество, нашли

отражение в песенном фольклоре. Эти песни дают представление о различных аспектах военных действий, эпизодах военно-полевой жизни, поворотных событиях.

Таким событием стало вручение черноморцам царской грамоты на владение Кубанским краем. Отправляясь летом 1792 года в дальний путь, казаки прощались с родной Украиной песней «Ой, и нэ гаразд запорожци», которая сохранилась в репертуаре кубанских казаков:

*Наша маты Катэрына
Нэ гарно зробыла.
Край широкий шей вэсэлый,
Тай занастылы.
Ой, хочь гаразд, хочь нэ гаразд,
Ничого робыты:
Будэм славно запорожци
На Кубани жыты [3].*

Исторические песни кубанских казаков отличаются большой глубиной сюжетов и образов, языком, манерой стихосложения, близостью к разным фольклорным жанрам. Это разнообразие обусловлено богатством и сложностью культуры самого кубанского казачества, в которой произошло взаимопроникновение южнорусской и украинской традиций [4].

Бытуют в среде кубанцев и эпические напевы украинского казачества о казаке Голоте, гетмане Богдане Хмельницком, донские сюжеты о Петре I, Суворове, Степане Разине:

*То не здесь ли граф Суворов
По Копылу проезжал?
Так, что злобный давний враг
В куцах за морем дрожал [5].*